

В.А. Черкасов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

ГУЛЛИВЕР И ХОДАСЕВИЧ О СОВЕТСКОЙ КАНОНИЗАЦИИ БИОГРАФИИ М. ГОРЬКОГО

В работе анализируется развенчивание со стороны Гулливера (псевдоним В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой) таких мотивов советской канонизации биографии М. Горького, как пушкинский генезис творчества писателя и его «религиозное свободомыслие». Эти мотивы являются конструктивными для биографических очерков Н.К. Пиксанова «Как учился молодой Горький» (1931) и «Отрочество Горького» (1934), напечатанных в популярном журнале «Новый мир». В работах, подписанных именем последнего, обнаруживаются и рассматриваются связанные с текстами Гулливера мотивы генезиса творчества Горького и его неотъемлемой религиозности. Таким образом, в работе доказывается положение о том, что «Литературная летопись» Гулливера является неотъемлемой частью единого горьковского текста Ходасевича.

Гулливвер, В.Ф. Ходасевич, М. Горький, биография, источниковедческий метод.

Воспоминания В.Ф. Ходасевича о М. Горьком в свое время произвели сенсацию в русском горьковедении. Целый ряд критиков и публицистов новой формации (Б.М. Парамонов, В.А. Пьецух, П.В. Басинский, Л.И. Сараскина и др.), опираясь на их авторитет, попытались переосмыслить устоявшиеся в советском литературоведении взгляды на личность и творчество классика пролетарской литературы. Академические ученые-горьковеды со стажем (В.А. Келдыш, В.С. Барахов, Л.А. Спиридонова и др.) не оставили без внимания новые веяния, вступив в полемику с указанными критиками. Однако и они не смогли отрицать в своих выступлениях актуальности и проницательности наблюдений Ходасевича. Так, Келдыш оценил ходасевичевскую идею «двойственного Горького» как «вполне убедительную» [13, с. 10]. По словам Барахова, «созданный им [Ходасевичем] проникновенный портрет относится к лучшим достижениям мемуарного жанра в обширной литературе о писателе» [1, с. 27]. Весьма красноречиво ученый описывает эпохальное влияние как бы воскресших из небытия мемуарных свидетельств эмигрантов на академическое горьковедение 1990-х гг., перед которым открылись совершенно новые перспективы в изучении личности и творчества писателя. Барахов констатировал: «Воспоминания В.Ф. Ходасевича, Е.Д. Кусковой, Н.В. Вольского и других деятелей русского зарубежья дают новый материал для размышлений о Горьком и это симптоматично. В нашем сознании происходит совмещение непохожих друг на друга образов Горького, увиденных как бы с двух «берегов», что свидетельствует не только о расширении диапазона восприятия личности и судьбы, но и о разной интерпретации трагедии писателя» [1, с. 25].

С тех пор мемуары Ходасевича прочно вошли в золотой фонд горьковедения, буквально разошлись на цитаты. Но вот что удивительно: они как-то сразу и окончательно стали расцениваться как *единственный* горьковедческий текст Ходасевича. До сих пор не

поставлен вопрос о собирании, публикации и изучении горьковианы Ходасевича в ее полном объеме. В нашей работе мы хотели бы акцентировать внимание специалистов на такой значительной части горьковедческого наследия Ходасевича, как «Литературная летопись» (далее ЛЛ). Эту еженедельную рубрику критик вел совместно с Н.Н. Берберовой под коллективным псевдонимом Гулливер на страницах парижской газеты «Возрождение» без малого тринадцать лет: с 10 февраля 1927 г. по 28 апреля 1939 г.¹

ЛЛ была посвящена обзору текущей советской литературы. О ее репрезентативности можно судить хотя бы по тому факту, что ее источниками являлись центральные периодические издания: толстые журналы «Новый мир», «Красная новь», «Звезда», специализированные журналы «Печать и революция» и «Литературный современник», газеты «Литературный Ленинград» и «Литературная газета». В соответствии с жанровой спецификой ЛЛ состоит по преимуществу из цитат, с минимальным авторским присутствием. Однако это обстоятельство отнюдь не означает отсутствия в ней какого-либо концептуального содержания. Сам псевдоним составителей рубрики, а priori предполагающий допущение сатирического искажения материала, уже означает жестко выверенную точку зрения на советский литературный процесс. Однако содержатся в ЛЛ и статьи, в которых авторская точка зрения выражена «напрямую», без какой-либо иронической двусмысленности. На наш взгляд, подобные статьи выполняют установочную метатекстуральную функцию, помогая читателю найти аутентичную авторской позиции точку зрения на те или иные обсуждаемые в них мотивы. В горьковиане ЛЛ таковой работой является «Изучение Горького», вышедшей из печати 21 ноября 1936 г. в связи с публикацией

¹ Точнее говоря, псевдоним Гулливер и название рубрики «Литературная летопись» впервые появляются 5 января 1928 г. Весь 1927 г. рубрика выходила безымянной под шапкой «Литературная хроника».

книги С.Д. Балухатого «Описание рукописей М. Горького» (1936), то есть уже после смерти писателя.

В этой статье Гулливер, в частности, ставит следующие задачи перед будущими исследователями личности и творчества М. Горького, которые, на наш взгляд, до сих пор остаются актуальными: «...во-первых – каковы были его действительные отношения с центральной властью, то есть в какой степени он пользовался ее доверием, кем и каким способом контролировался его действия и т.д.; во-вторых – как складывались при этом его отношения с литературным миром, то есть опять-таки видели ли в нем старшего товарища или просто начальника, подчинялись ли ему из уважения к его литературному авторитету или из страха, наконец, просто – любили его или не любили, уважали или не уважали» [10, с. 9].

Здесь же Гулливер отмечает знаки внешнего почта, которыми оказался окружен Горький после окончательного переезда в СССР в качестве, по формулировке Гулливера, «организатора литературной жизни» (Там же), а также одновременно протекающий «процесс стремительной канонизации Горького как художника» (Там же), навязываемый сверху. Одним из признаков сугубо официального характера этой канонизации, по Гулливеру, является прижизненная «громоздкая разработка биографии и научное (или квази-научное) исследование его творчества» (Там же). Настоящим жупелом для Гулливера является биография Горького, написанная И.А. Груздевым: «...на страницах журнала “Звезда” критик И. Груздев начал печатать скучнейшую, длиннейшую и, если так можно выразиться, мертвейшую биографию Горького...» (Там же). Эпитет «скучный» Гулливер применил в выпуске ЛЛ от 12 июня 1930 г. и к другой биографической работе Груздева «Максим Горький: Жизнь и работа» (1928): «Им [Груздевым] написана, между прочим, “Жизнь Горького”, – книга скучноватая и мало даровитая» [5, с. 4]. Впрочем, о груздевской биографии Горького Гулливер больше не писал. Однако он откликнулся на не менее характерные для биографической горьковианы 1930-х гг. работы Н.К. Пиксанова «Как учился молодой Горький» (1931) и «Отрочество Горького» (1934). В нашей работе мы намереваемся проанализировать основные мотивы полемики Гулливера с канонизацией личности Горького в советской биографике 1930-х гг. на примере указанных работ Пиксанова, а также выяснить, в какой степени наблюдения и выводы Гулливера о биографии Горького находят свое соответствие в горьковиане, подписанной именем Владислава Ходасевича.

О первом из указанных очерков Гулливер написал в выпуске ЛЛ от 29 октября 1931 г. По словам Гулливера, «Н. Пиксанов в “Новом Мире” стремится разрушить “легенду” о том, что Горький никогда нигде не учился. Его цель – доказать, что Горький в молодые годы прошел полный курс и гимназии, и университета, только “экстерном”» [6, с. 4]. Закавыченное слово «легенда» принадлежит Пиксанову, однако также закавыченное слово «экстерн» является ироничным обозначением со стороны самого Гулливера подтекста в настойчивом стремлении биографа доказать выдвинутое им исходное положение. Вслед за Пиксановым Гулливер очерчивает обширный круг

чтения молодого Горького в области экономических, политических, социальных наук и в итоге соглашается с ученым. «По данным, собранным Пиксановым отчасти из автобиографии Горького, отчасти из мемуаров современников, – пишет критик, – довольно убедительно звучит его вывод, что Горький прошел очень трудную школу самообразования, вполне заменившую ему среднее и высшее учебные заведения» [6, с. 4].

Однако для читателя ЛЛ в таком случае непременно возникает вопрос о литературном образовании Горького. Этой ключевой для понимания всякого писателя теме Гулливер отводит всего один небольшой абзац: «Семи лет Горький посещал начальную школу, учился плохо и читать не любил. Двенадцати лет он пристрастился к чтению, полюбил Беранже, Аксакова, Мельникова-Печерского, стихи Тютчева и Веневитинова. Затем он начал читать романы, преимущественно переводные: Гюго, Вальтер-Скотта, Бальзака, Гонкуров, а когда поселился в Казани, то пристрастился к книгам научным <...> из литературных теоретиков он читал преимущественно Писарева и Добролюбова» (Там же).

А вот как характеризует круг художественного чтения Горького Пиксанов: «О сильнейшем воздействии книг на душу будущего писателя мы многое узнаем из автобиографической книги “В людях”. Когда мальчику впервые попали в руки поэмы Пушкина, он “прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место”. “Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной”. Иллюстрированное издание песен Беранже “свело с ума странно-тесною связью едкого горя с буйным весельем”. “Я уже прочитал “Семейную хронику” Аксакова, славную русскую поэму “В лесах” (Мельникова-Печерского), удивительные “Записки охотника”, несколько томиков Гребенки и Соллогуба, стихи Веневитинова, Одоевского, Тютчева. Эти книги вымыли мою душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности. Я почувствовал, что такое хорошая книга, и понял ее необходимость для меня”. Как видим, восприятие и переживание читаемого были глубоки. Но и состав прочитанного был незаурядным. Прочитан был и Лермонтов, и Гюго, и Вальтер-Скотт [sic], и Бальзак, и Гонкур [sic], и многие другие классики, русские и иностранные» [14, с. 149–150].

Итак, мы наблюдаем, что Гулливер исключает из круга художественного чтения Горького поэмы А.С. Пушкина. В начале списка авторов, которые повлияли на Горького с отроческих лет, оказывается французский поэт-песенник Пьер Жан Беранже, как следует из выпусков ЛЛ от 29 марта 1934 г. (статья «Новая книга о Беранже») ² и 12 декабря 1936 г. (статья «Книга о Беранже») ³, в переводе поэта революционно-демократического направления В.С. Курочкина. Примечательно, что гулливеров список прочитанных Горьким в отрочестве авторов и заканчивается, воп-

² «У нас Беранже усиленно переводили всевозможные Курочкины» [8, с. 4].

³ «Курочкин и тому подобные литераторы переводили Беранже довольно усердно» [11, с. 9].

реки сведениям из очерка Пиксанова, исключительно переводными авторами. Вообще говоря, список русских классиков в передаче Гулливера оказался сильно разрежен: пропущены имена М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, В.А. Соллогуба, Е.П. Гребенки, А.И. Одоевского. Почему Гулливер допустил столь вольное переложение источника? Ответ на этот вопрос можно найти, если рассмотреть упомянутые выпуски ЛЛ от 29 марта 1934 г. и 12 декабря 1936 г., в которых содержатся установочные комментарии по поводу поэтической ценности песен Беранже. Для Гулливера поэзия Беранже является оселком поэтического вкуса и определяет литературную родословную того или иного писателя.

«Беранже, которого так высоко ставят ныне в СССР, – пишет Гулливер, – настоящие французские и русские писатели ценили не высоко. Пушкин говорил просто и ясно: “Беранже – не поэт”. Шатобриан, Ламартин, Жорж Занд, даже Виктор Гюго выражались о нем весьма сдержанно, а Леконт де Лиль и Флобер – презрительно. Гейне в нем чувствовал “бунт” и увлекался им, потому, может быть, что вкус не редко изменял самому Гейне. У нас Беранже принадлежал к числу любимых писателей Добролюбова, а в последнее время – Горького. (Очень вероятно, что именно под влиянием Горького и создался довольно неожиданный “культ Беранже”») [11, с. 9].

Итак, по Гулливеру, восторженным высказываниям Горького о поэзии Пушкина верить нельзя, так как он, будучи поклонником Беранже и последователем Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, не способен ее оценить. Гулливер объяснял включение в третий том «Временника Пушкинской комиссии» черновой рукописи горьковской лекции о Пушкине [3, с. 255–282], не имеющей, на его взгляд, никакого отношения к пушкинистике, требованием официальной канонизации Горького как знатока русской литературы в целом и Пушкина в частности: «...редакция “Временника”, видимо, принуждена уступать давлению извне и печатать такие “исследования”, как например – Иннокентия Оксенова “Пушкин и Маяковский” или С. Балухатого “Пушкин и Горький”. Казалось бы – ясно, что подобным работам место в изданиях, посвященных Маяковскому и Горькому, а не Пушкину» [12, с. 9].

На самом деле, по Гулливеру, литературное образование Горького не представляло собой ничего выдающегося и ограничивалось знакомством с популярными песнями Беранже в переводе Курочкина, чтением переводных романов, а также не самых видных русских прозаиков середины XIX века (С.Т. Аксаков, П.И. Мельников-Печерский) и случайных поэтов (Ф.И. Тютчев и Д.В. Вeneвитинов). В связи со скептическим отношением Гулливера к филологической образованности Горького хотелось бы напомнить, что в современном горьковедении «полуграмотность» уже 30-летнего писателя доказывается документально [2, с. 49–51].

Таким образом, создавая образ биографического Горького, Пиксанов ни на шаг не отступает от версии своего героя. Главным источником его биографии являются автобиографические тексты Горького. И Гулливер, через голову несамостоятельного биографа, развенчивает концепцию самого Горького, поскольку она оказалась первоисточником складывающегося в

советском литературоведении 1930-х гг. канонического образа писателя как родоначальника литературы социалистического реализма, генетически связанного с пушкинской традицией русской литературы.

На следующий очерк «Отрочество Горького» Гулливер откликнулся в выпуске ЛЛ от 11 октября 1934 г. Он указал на выборочное использование Пиксановым биографического материала, а также на его безуспешную попытку примирить противоположности в создаваемом им образе героя: «Из романа “В людях” и из других произведений Горького Пиксанов извлек соответствующий материал, который и преподнес публике в качестве “исследования”. Кроме того, Пиксанов взял из недавних статей Горького все, что ему показалось нужным, для того, чтобы сострять “волнующую повесть о вызревании нашего героя”. Труднее всего оказалось Пиксанову примирить бунтарскую молодость Горького с его работой в иконописных мастерских, революционность с “религиозным дурманом”, которому в свое время Горький был подвержен» [9, с. 4].

Мы не нашли соответствия заковыченному выражению «волнующую повесть о вызревании нашего героя» в очерке Пиксанова. Биограф употребляет в подзаголовке статьи более нейтральное – «становление художественного и социального сознания», или в тексте статьи – «становление социального сознания молодого Пешкова» [15, с. 242]. Зато, согласно повременному академическому «Словарию современного русского литературного языка» (1951), слово «вызревание» в употребленном Гулливером переносном значении встречается в литературе 1920–1930-х гг. только однажды, в романе А.А. Фадеева «Последний из Удэге»: «[Лена] была сильно возбуждена, но не испытывала радости; какое-то смутное решение вызревало у ней» [16, с. 1041]. Гулливер откликнулся на ту часть журнального варианта этого романа, в которой встречается обсуждаемое словоупотребление [17, с. 7], в выпуске ЛЛ от 7 июля 1932 г., обвинив писателя в слащавости: «Роман Фадеева все больше начинает напоминать слащавую историю, описанную дамой-писательницей, где милая богатая девочка любит бедных людей только за то, что они бедные не боятся шлепков строгой мамы» [7, с. 4]. Таким образом, вложив слово Фадеева в уста Пиксанова, Гулливер упрекнул последнего в слащавости. Подтверждение наша догадка находит и в общем строении обсуждаемого выражения, пародирующего стиль Пиксанова с обилием «красивых» эпитетов. Берем наугад: «С такой же чуткостью и жадностью, с какой Алеша, будущий писатель, впитывал в себя красоту природы, овладевал он и культурой». «Даже в его ближайшем кругу <...> было немало одаренных, душевно тонких людей, создававших или бережно хранивших своеобразные культурные ценности». «Ее природный, ясный ум, ее щедрое, чуткое сердце, ее доброта и любовь к людям, ее самоотверженность, достоинство и мужество – все это нам теперь знакомо и мило, словно мы лично встречались с Акулиной Ивановной» [15, с. 247].

Другое заковыченное выражение «религиозным дурманом» встречается в очерке в следующем контексте: «Для зоркого, чуткого мальчика была уже заметна связь религиозного дурмана с корыстью, с ма-

териальными интересами» [15, с. 245]. То есть Пиксанов таким образом охарактеризовал мещанское окружение Алексея Пешкова, из которого он выделялся своим бескорыстием уже в отрочестве. По Гулливеру же получается, что сам Алексей ничем не отличался от лицемеров и ханжей, религиозность которых, по словам Пиксанова, «легко сочетается с эгоизмом, бессердечием, лицемерием...» (Там же).

Теперь рассмотрим, что имел в виду Гулливер под трудностями, которые возникли у Пиксанова в «примирении» «революционности» Горького с его религиозностью.

Согласно Пиксанову, работа Алексея Пешкова в иконописной мастерской, а также в лавке при этой мастерской, в которой торговали кроме икон, также и церковными книгами, способствовала в нем развитию исключительно художественных и исторических знаний: якобы упомянутая лавка «в сущности была антикварным (!) магазином» (Там же, с. 248), а «консультировал» Алексея по поводу поступающих в этот «магазин» «древностей высокого художественного и исторического значения» (Там же) начетчик Петр Васильевич. «Так вот с этим начетчиком, – пишет Пиксанов, – Алеша вступал в долгие беседы и конечно многое от него узнавал. Запомним этот замечательный эпизод: приобретение Алешей в отроческом возрасте художественно-археологических сведений. Они обогащали его эстетическое сознание» (Там же). Характерно, что в этом месте очерка Пиксанов, как правило, обильно цитирующий источник, предусмотрительно не передает содержание бесед Алексея с начетчиком, который привлекал того, как сказано в горьковских воспоминаниях «В людях», знанием «всех тайн купцов, чиновников, попов, мещан» [4], а также и церковной истории. Своими искусствоведческими познаниями Петр Васильевич ни с кем не делился, употребляя их исключительно с целью обмана доверчивых продавцов старинных икон. Предусмотрительно не говорит ничего Пиксанов и о клиентах упомянутого «антикварного магазина» – крестьянах-старообрядцах, чаще всего покупающих Псалтырь и знающих Священное Писание лучше, чем сам приказчик этой лавки, хотя, как правило, не упускает возможности продемонстрировать очередной пример тесного общения будущего великого пролетарского писателя с народом. Кстати говоря, экспертная оценка по поводу сравнительного знания Священного Писания крестьянами и приказчиком принадлежит самому Алексею. Как сказано в другом месте «В людях», в лавке без чьей-либо помощи он «прочитал все церковные книги» [4]. Впрочем, и эти свидетельства биографируемого Горького Пиксанов исключил из своей работы.

Для Пиксанова, вообще говоря, характерно акцентирование в теме религиозности Горького мотивов эстетических в ущерб собственно теологическим. В его интерпретации для иконописца Жихарева, к словам которого внимательно прислушивался Алексей Пешков, житийная литература – исключительно источник «художественных и исторических знаний»: «В Жихареве бродили какие-то силы, назревали беспоконные вопросы и искания. Он хотел бы осветить ремесленную иконописную работу художественными и историческими знаниями, освободить ее от рутины,

вдохнуть в нее энтузиазм. “Жития надо знать, а кто их знает, жития? Что мы знаем? Живем без окрыления... Где душа? Душа – где? Подлиннички... да! – есть. А сердца – нет...”» [15, с. 249].

Пиксанов интерпретирует автобиографические признания Горького по поводу своего отроческого увлечения церковным богослужением как проявление «артистической натуры» будущего писателя: «Своеобразный артистизм сказывался у мальчика и в отношениях к церкви, к богослужению. Наличие музыки – вокальной: пения хора, пластики: иконописи и церковных украшений, драматизация службы – все это, в условиях скудной мещанской обстановки, привлекало артистическую натуру подростка» (Там же, с. 257).

Если из бесед с такими безусловно верующими людьми, как Петр Васильевич и Жихарев, по Пиксанову, Алексей черпал исключительно эстетические, формальные, знания, будучи глух к содержательной, религиозной, стороне их высказываний, а богослужение им воспринималось лишь на эмоциональном уровне как своего рода бессодержательное, но красочное театрализованное представление, то атеисты Ситанов и отчим в конце концов покорили его сердце своими высказываниями по существу вопроса. «От эпизодов с Ситановым и вотчимом следует вести начало религиозного свободомыслия у Горького» (Там же, с. 258), – пишет Пиксанов. Точно так же светские фольклор и литература вызвали в Алексее, по Пиксанову, не только эстетические, как это было в случае с церковными песнопениями, но и потребные социальные чувства: «...даже песни будили в мальчике не только эстетическое удовольствие, но и социальное чувство – любовь к людям» (Там же, с. 260). «Читая книги, Алеша “давал сам себе торжественные обещания помочь людям, честно послужить им”» (Там же).

Таким образом, раскрывая тему религиозности Горького, Пиксанов выстраивает в своем очерке композиционно безупречную антитезу, где два верующих героя противостоят двум атеистам, а церковное богослужение – светским фольклору и литературе. Однако содержательно подобный «дискурс» горьковского биографа оказывается явной натяжкой, констатируя у будущего писателя идиотическую аберрацию в восприятии внешнего мира. В чем в чем, а в неадекватности Горького еще никто не обвинял, как это сделал Пиксанов из благих побуждений! Впрочем, дело тут не в благих побуждениях биографа, приведших к негодным результатам. Очевидно, Пиксанову пришлось адаптировать автобиографические свидетельства Горького по поводу его религиозных увлечений в молодости к требованиям советской канонизации исторических деятелей, среди которых атеизм идеализируемого героя является *condicio sine qua non*. И именно на эти уродующие творческий процесс биографирования требования, на наш взгляд, указал Гулливер, подчеркивая мотив конформизма в дискурсе советского ученого.

Теперь рассмотрим вопрос: как в работах о Горьком, подписанных именем Владислава Ходасевича, раскрываются темы, затронутые в статьях Гулливера?

Прежде всего отметим, что в них зафиксировано скептическое отношение к уровню литературной образованности Горького. Например, в очерке «Горький» (1937), Ходасевич, восхищаясь мнемоническими

способностями писателя, тем не менее, указывает на начетнический характер его образования: «На своем веку он прочел колоссальное количество книг и запомнил все, что в них было написано. Память у него была изумительная. Иногда по какому-нибудь вопросу он начинал сыпать цитатами и статистическими данными. На вопрос, откуда он это знает, вскидывал он плечами и удивлялся:

– Да как же не знать, помилуйте? Об этом была статья в “Вестнике Европы” за 1887 год, в октябрьской книжке» [19, с. 157].

Ходасевич оценивал эстетические представления Горького об обязательной дифференциации формы и содержания художественных произведений и о неотъемлемости от этого содержания социальной проблематики как «довольно элементарные» и возводил их генезис к эпохе «примерно – 70-х, 80-х годов» (Там же, с. 180). По словам Ходасевича, сам Горький признавал свое бессилие в области восприятия и, тем более, творческого развития, достижений мастеров русской прозы предыдущих поколений, в том числе и Гоголя, современника Пушкина: «Раз навсегда усвоив довольно элементарные эстетические понятия (примерно – 70-х, 80-х годов), в своих писаниях он резко отличал содержание от формы. Содержание казалось ему хорошо защищенным, потому что опиралось на твердо усвоенные социальные воззрения. Зато в области формы он себя чувствовал вооруженным слабо. Сравнивая себя с излюбленными и даже с нелюбимыми мастерами (например – с Достоевским, с Гоголем), он находил у них гибкость, сложность, изящество, утонченность, которыми сам не располагал, – и не раз в этом признавался» (Там же).

Что касается темы религиозности Горького, то она раскрывается Ходасевичем как один из аспектов культивируемого писателем жизнетворчества.

Критик констатирует никогда не прекращающуюся, органическую религиозность писателя в статье «О смерти Горького» (1938), высказывая предположение, что именно под его влиянием Сталин разрешил украшать елками новогодние торжества: «Вполне допускаю, что в некоторых вопросах, второстепенного и бытового характера, Сталин со своей стороны прислушивался к его мнению. Не раз мне казалось, что некоторые уступки на религиозном “фронте”, знаменитая реабилитация елок, не менее знаменитый призыв к зажиточности, – все это происходило не без горьковского влияния» [18, с. 7].

Правда, в горьковiane Ходасевича содержится эпизод, на первый взгляд свидетельствующий о безрелигиозности писателя. Мы имеем в виду рассказанную в очерке «Горький» (1937) историю об отказе Горького в ответ на просьбу клоуна Дельвари стать крестным отцом его ребенка: «Только однажды я видел, как он отказал человеку в просьбе: это был клоун Дельвари, который непременно хотел, чтобы Горький был крестным отцом его будущего ребенка. Горький вышел к нему весь красный, долго тряс руку, откашливался и, наконец, сказал:

– Обдумал я вашу просьбу. Глубочайше польщен, понимаете, но, к глубочайшему сожалению, понимаете, никак не могу. Как-то оно, понимаете, не выходит, так что уж вы простите великодушно.

И вдруг, махнув рукой, убежал из комнаты, от смущения не простившись» [19, с. 153–154].

В данном эпизоде обращает на себя внимание мотив крайнего смущения Горького перед просителем. В изображении Ходасевича писатель находится в состоянии разлада с самим собой: с одной стороны, у него явно нет оснований отказать уважаемому человеку в просьбе, с другой – он как будто вынужден поступить именно таким образом. Что же, по Ходасевичу, послужило причиной противоречивого поступка Горького?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержится в том фрагменте очерка, где речь идет об испытываемом Горьким разладе между своей совестью и принятыми на себя обязательствами перед обществом, создавшим для него мифологическую биографию пролетарского писателя-«буревестника»: «Он считал своим долгом стоять перед человечеством, перед “массами” в том образе и в той позе, которых от него эти массы ждали и требовали в обмен за свою любовь. Часто, слишком часто приходилось ему самого себя ощущать некоей массовой иллюзией, частью того “золотого сна”, который однажды навеян и который разрушить он, Горький, уже не вправе. Вероятно, огромная тень, им отбрасываемая, нравилась ему своим размером и своими резкими очертаниями. Но я не уверен, что он любил ее. Во всяком случае могу ручаться, что он часто томился ею. Великое множество раз, совершая какой-нибудь поступок, который был ему не по душе или шел вразрез с его совестью, или наоборот – воздерживаясь от того, что ему хотелось сделать или что совесть ему подсказывала, – он говорил с тоской, с гримасой, с досадливым пожиманием плеч: “Нельзя, биографию испортишь”. Или: “Что поделаешь, надо, а то биографию испортишь”» (Там же, с. 179–180).

Таким образом, конфликт между органической религиозностью и требуемым биографией атеизмом, на наш взгляд, послужил причиной душевного разлада Горького в изображении Ходасевича. То есть смущение писателя во время отказа Дельвари лучше всяких слов свидетельствует о его религиозности. Мы наблюдаем яркий пример выдвинутого Ходасевичем положения о главенстве жизнетворческих принципов в биографии Горького.

Подведем общие итоги нашего исследования.

Из всей советской биографической горьковианы 1920–1930-х гг. Гулливер выбрал для рецензирования очерки Пиксанова «Как учился молодой Горький» и «Отрочество Горького» как наиболее показательные для складывающегося канона Горького, художника и политического деятеля в одном лице. Гулливер развенчивает на материале данных очерков центральные для этого канона мотивы пушкинского генезиса творчества Горького, а также его «религиозного свободомыслия». Он указывает на глубокую укорененность литературно-эстетических взглядов и творческих принципов писателя в революционно-демократической традиции 1860-х гг., переосмыслившей или отвергшей пушкинское понимание природы искусства. На подобный алогизм Гулливер указывает и во втором из указанных мотивов. Навязываемая властями установка на «дистиллированный» атеизм Горького искажает ре-

альный образ писателя, делает невозможным сколь угодно адекватное историко-литературное исследование его жизни и творчества.

В текстах о Горьком, подписанным именем Владислава Ходасевича, содержатся теоретические установки выявленных в ЛЛ мотивов революционно-демократического генезиса творчества Горького и его религиозности, полемически направленных против созданной в СССР биографии пролетарского писателя. Горьковиана ЛЛ творчески развивает и конкретизирует на примере полемики с советской повременной критикой ключевые положения созданной Ходасевичем концепции личности Горького.

Горьковиана Гулливера не ограничивается биографической темой. Она весьма объемна, ее мотивы тесно переплетаются как друг с другом, так и с другими мотивами ЛЛ. Даже в рассмотренных источниках мы не смогли бы по недостатку времени раскрыть некоторые конструктивные для горьковского текста ЛЛ мотивы. Например, пресловутой «чуткости» писателя к молодым дарованиям, то есть его таланта эти дарования открывать и выращивать из них крупных писателей. Согласно Пиксанову, Горький в свое время оказался способен «открыть» в еще никому неизвестном Антоше Чехонте крупного писателя, образец для собственного творчества [15, с. 254]. В ЛЛ Гулливер последовательно развенчивает этот центральный для советской канонизации Горького мотив, неизменно низко оценивая творческие способности писателей, оказавшихся в орбите его влияния. Некоторые содержащиеся в очерках Пиксанова мотивы, например увлекательного рассказывания, также могли бы быть рассмотрены в рамках более широкой темы «Гулливер и Ходасевич», так как они развенчиваются уже в горьковском тексте последнего.

Особую ценность горьковиане ЛЛ придает ее особый статус как площадки для непосредственных полемических откликов Ходасевича на текущую советскую продукцию. Перед читателем ЛЛ раскрывается уникальная возможность непосредственного наблюдения работы Ходасевича над источниками творимой им концепции личности и творчества Горького. ЛЛ как указатель источниковедческой базы горьковского текста Ходасевича требует дальнейшего изучения. Однако для начала ее нужно издать в пол-

ном объеме, как минимум, с библиографическими комментариями.

Литература

1. Барахов, В. С. Трагедия М. Горького в интерпретации современных критиков / В. С. Барахов // М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. – Москва : Наследие, 1995. – Вып. 4. – С. 25–33.
2. Басинский, П. В. Горький / П. В. Басинский. – Москва : Молодая Гвардия, 2005. – 450 с.
3. Горький, М. О Пушкине // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. – Т. 3. – С. 255–282.
4. Горький, М. В людях / М. Горький. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1854/p.1/index.html> – Текст : электронный.
5. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1930 (12.06.1930). – № 1836. – С. 4.
6. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1931 (29.10.1931). – № 2340. – С. 4.
7. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. 1932 (07.07.1932). – № 2592. – С. 4.
8. Гулливер. Литературная летопись: Новая книга о Беранже // Возрождение. – 1934 (29.03.1934). – № 3221. – С. 4.
9. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1934 (11.10.1934). – № 3417. – С. 4.
10. Гулливер. Литературная летопись: Изучение Горького // Возрождение. – 1936 (21.11.1936). – № 4053. – С. 9.
11. Гулливер. Литературная летопись: Книга о Беранже // Возрождение. – 1936 (12.12.1936). – № 4056. – С. 9.
12. Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. – 1937 (25.06.1937). – № 4084. – С. 9.
13. Келдыш, В. А. О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького / В. А. Келдыш // М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. – Москва : Наследие, 1995. – Вып. 4. – С. 8–15.
14. Пиксанов, Н. К. Как учился молодой Горький / Н. К. Пиксанов // Новый мир. – 1931. – № 9. – С. 146–157.
15. Пиксанов, Н. К. Отрочество Горького / Н. К. Пиксанов // Новый мир. – 1934. – № 7. – С. 241–263.
16. Словарь современного русского литературного языка. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1951. – Т. 2.
17. Фадеев, А. А. Последний из Удэге / А. А. Фадеев // Красная новь. – 1932. – № 5. – С. 4–12.
18. Ходасевич, В. Ф. О смерти Горького / В. Ф. Ходасевич // Возрождение. – 1938 (18.03.1938). – № 4123. – С. 7.
19. Ходасевич, В. Ф. Горький / В. П. Кочетов // Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4 томах. – Москва : Согласие, 1997. – Т. 4. – С. 151–182.

V.A. Cherkasov

GULLIVER AND KHODASEVICH ON THE SOVIET CANONIZATION OF M. GORKY'S BIOGRAPHY

The paper analyzes the debunking by Gulliver (a pseudonym of V.F. Khodasevich and N.N. Berberova) of such motives for the Soviet canonization of M. Gorky's biography as Pushkin's genesis of the writer's work and his «religious freethinking». These motives are constructive for the biographical sketches of N.K. Piskunov «How Young Gorky Studied» (1931) and «Gorky's Boyhood» (1934), published in the popular magazine «Novy Mir». In the works signed with the name of the latter, the motives of the genesis of Gorky's work and his inalienable religiosity, connected with the texts of Gulliver, are discovered and considered. Thus, the paper proves the position that Gulliver's «Literary Chronicle» is an integral part of Khodasevich's single Gorky text.

Gulliver, V.F. Khodasevich, M. Gorky, biography, source study method.